

УДК 800

ББК 81

О 77

Т.А. Островская

Дихотомия AGGRESSION vs TOLERANCE в русском и английском коммуникативном поведении

Аннотация:

В статье рассмотрены психолингвистические аспекты агрессивного коммуникативного поведения в русском и англоязычном лингвокультурных сообществах, а также толерантного поведения, как антипода агрессивности. Приводятся примеры политкорректности как варианта толерантного поведения, в том числе и как проявление двойного стандарта.

Ключевые слова:

Вежливость, толерантность, агрессия, национально-специфическое коммуникативное поведение, политкорректность, индивидуализм, коллективизм.

Устойчивый интерес к коммуникативным аспектам языковых систем, проявляемый в лингвистике в настоящее время, обусловлен тем фактором, что вследствие бурного экономического развития многих стран, глобализации экономической деятельности, возросли интенсивность, плотность и продолжительность контактов между представителями разных культур.

В реалиях современного мира категория агрессии, безусловно, является одной из самых важных. Способы и средства реализации активного проявления агрессии исследуются и анализируются учеными с привлечением целого ряда дисциплин, а именно: языкознания, социологии, психолингвистики, культурной антропологии, когнитивной и социальной психологии, когнитивной лингвистики и типологии языков.

Коммуникативная агрессия – это проявление желания унижить, подавить соперника в конкурентной борьбе. Через вербальную и невербальную агрессию бросается прямой вызов или косвенный вызов (придирки, намеки, отказ от помощи, ложь, мелочность, угрозы); могут наблюдаться спонтанные вспышки ярости, обвинения другого или самообвинение.

Способы общения, в подавляющем большинстве, являются отражением национального характера и уклада жизни. При определении коммуникативного проявления агрессивности и толерантности в сравниваемых лингвокультурах мы исходили из коллективистского уклада жизни русских и индивидуалистского уклада жизни англичан и американцев.

Очень многие черты национального коммуникативного поведения русских, по мнению отечественных и зарубежных исследователей, проистекают из таких исторически сложившихся совокупности устойчивых психологических черт народа, как широта души, щедрость, великодушие, бескорыстие, как следствие приоритета духовных ценностей над материальными, общинность уклада жизни, неровность в проявлении эмоций, импульсивность и некоторые другие.

В соответствии с этими чертами и определяется дистанция между индивидами – то, что англоязычные народы считают нарушением *privacy*, в русском лингвокультурном обществе обозначается как *неравнодушие, участливость*.

Поэтому более близкое расстояние при общении, чем у американцев и, тем более, у англичан, не является признаком «невоспитанности», агрессивности, а лишь проявлением национального коммуникативного стереотипа.

Русских в силу эмоциональности отличает также более громкая речь, русские чаще общаются в общественных местах, даже в больших городах люди вступают в разговоры с незнакомыми, хотя в настоящее время это происходит все реже.

Трудно определить границу между участливостью и назойливым желанием «сделать по-своему». Вероятно, чем сложнее окружающая жизнь, тем чаще людям приходится пользоваться помощью со стороны и наоборот. Как всегда, язык отражает окружающую действительность без прикрас, не зависимо от нашего желания.

Американцы поддерживают в большинстве случаев достаточно большую дистанцию общения – слишком короткая дистанция у американцев связывается с посягательством на личное пространство, агрессией или сексуальным домогательством.

В русской коммуникации сокращение дистанции свидетельствует о дружеском расположении, в американском коммуникативном поведении комфортной коммуникативной зоной является расстояние не менее полуметра.

Иная манера поведения может расцениваться как попытка нарушения личного пространства, т.е. проявлением агрессии.

Напротив, улыбка является неременной частью разговора. При зрительном контакте с незнакомцами американцы улыбаются, что является невербальным сигналом отсутствия агрессивных намерений. Проявлением доброжелательности к собеседнику служит и громкий смех.

У русских улыбка встречается реже, но является признаком по-настоящему доброго расположения к человеку, а не «дежурно-приклеенной».

В общении американцы демонстрируют высокую толерантность. Все точки зрения выслушиваются внимательно, в споре американцы ведут себя мирно, даже американские болельщики известны своей сдержанностью.

Толерантность (т.е. отсутствие агрессивности) проявляется в отношении иностранцев при нарушении ими языковых норм – из правильного словоупотребления никто не делает культа.

В американском обществе не принято делать замечания чужим детям в присутствии их родителей, даже если дети очень мешают взрослым. Очень немногие американские родители считают нужным делать замечания и собственным детям – все эти действия могут расцениваться как вмешательство в личную жизнь, а это граничит с агрессией. Наряду с этим хочется заметить, что назойливое и шумное поведение детей также является агрессивным по отношению к посторонним людям.

Американцев отличает агрессивная самопрезентация. Не страдая избытком скромности, американец постоянно хочет выделить себя, заявить о себе, обратить на себя внимание. Американцам свойственно представлять себя собеседнику или работодателю в превосходных тонах «*I am fine at...*», «*I'm very well qualified*»...

Американские психологи отмечают заметное противоречие в излишней сдержанности в некоторых ситуациях явной нескромности в самооценке (Lanier, 1996, 15).

Переходя от агрессии в широком понимании этого слова к вербальным формам агрессии, хочется привести известную фразу З. Фрейда «Человек, который первым, вместо того, чтобы швырнуть камень в своего противника, бросил в него слово, был родоначальником цивилизации».

Словом можно осчастливить человека, словом можно унижить и даже убить человека.

В последние десятилетия общественность многих стран уделяет внимание поискам способов снижения прямой и косвенной агрессии.

Возникновение явления *политкорректность* продиктовано новыми взглядами на проявление гуманизма, терпимости во взаимоотношениях людей, независимо от цвета кожи, пола, социального или физического состояния.

У людей возникла потребность «найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляет его человеческие права привычной языковой бестактностью и /или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида (Тер-Минасова, 2000, 216). При меры политкорректного отношения в русском языке: *инвалид по зрению, плохо слышащий* вместо *слепой, глухой*.

Другим способом снижения агрессии является *воспитание толерантности*.

В своей книге «Язык и межкультурная коммуникация» С.Г. Тер-Минасова вычленяет формулу межкультурной коммуникации как «Три 'Т'», имея в виду Терпение, Терпимость, Толерантность.

Понятие *вежливость* очень близко к понятию *толерантность* в смысле коммуникативной категории.

Для проявления вежливости как результата хорошего воспитания или его отсутствия при агрессивности имеется богатейший арсенал вербальных и невербальных средств. Вполне возможно, что хамство как одно из характерных проявлений русского речевого общения, является следствием неумения выразить свое отношение к явлениям и людям в культурной, вежливой, воспитанной многими

поколениями манере. На наш взгляд проявлением хамства и неуважения к людям может служить вывешенное у входа в университет объявление: «*Охрана справок не дает! Вопросы не задавать!! Телефон служебный!!!*»

Особенности английского коммуникативного поведения обусловлены принадлежностью англичан к индивидуалистским ценностям.

Manners make the man гласит английская поговорка. Когда англичане хотят сделать замечание своим детям, они не одергивают их резкими замечаниями, а предлагают им вспомнить о манерах: *Mind your manners*. Англичане утверждают, что *Nowhere is there room for the display of good manners as in conversation* (*Нигде так ярко не проявляются хорошие манеры человека как в разговоре*).

Некоторые исследователи (Ларина, 2004) на основе ассоциативных экспериментов утверждают, что в проявлении вежливости как антипода агрессии англичане склонны проявлять демонстративное, этикетное коммуникативное общение.

Русские в такой речевой ситуации проявляют в большей степени действительное участие.

По данным Т.В. Лариной у англичан проявляется стремление соблюдать социальную и физическую дистанцию во всех сферах жизни. Английский безэквивалентный концепт *privacy* является антиподом русского концепта *соборность*.

Англичане, в основном, общаются тихим голосом. Не принято задавать «личных» вопросов. В противном случае англичане могут поставить человека на место: *He started asking me personal questions and I told him to mind his own business* (*Он стал задавать личные вопросы и я попросил его не совать нос не в свое дело*).

Общение, как и у американцев, происходит, большей частью, вне дома. Домой приглашают только родственников и близких друзей. Дом англичанина и в самом деле его крепость. Сравним с хлебосольством русских, которые гостю подадут лучшее, гостей приглашают в дом, окружают теплом.

Для англичан с их чрезвычайно развитым чувством изолированности такое проявление личного участия ассоциируется с вмешательством в их личное пространство.

В Англии достаточно явно проявляется социальная дистанцированность по горизонтали (связи между родственниками и друзьями) и меньшее расстояние по вертикали (начальник-подчиненный).

Повышенная корректность английского языка обусловлена следующими факторами: высоким уровнем социальной культуры и хорошими традициями общественного поведения; индивидуалистской культурой, ориентированной на культ отдельной личности; коммерческим интересом к человеку как к потенциальному покупателю – быть агрессивным и грубым просто невыгодно экономически.

Англичане являются авторами таких терминов, имеющих широкое употребление в наши дни, как толерантность и политкорректность.

Однако наряду с высокой степенью деликатности в повседневном общении и высоким уровнем социальной культуры в Великобритании и США, в современной жизни наблюдается политика двойных стандартов при определении поступков и действий по принципу: «*Все наши – это разведчики, все «не наши» – итioni*».

Особенно явно это проявляется в областях, связанных с агрессией не в обиходном, а в классическом дискурсе – в политике и в военных действиях.

Сначала мы приведем несколько примеров подобного вербального поведения в АА.

В ходе американской военной операции в Ираке министр обороны США Д. Рамсфельд дал следующее определение: «*Война – это акт гуманизма*». Некоторые органы СМИ как в США, так и за их пределами высказали свое возмущение циничностью этого высказывания на фоне видеоряда с убитыми и ранеными иракскими мирными жителями. Однако сами журналисты в течение многих лет употребляют в своих репортажах выражения типа: *air support, aggressive defence, friendly fire, to service a target, collateral damage* и др. «политкорректные» термины.

Air support (поддержка с воздуха) или *reconnaissance (разведка боем)* употребляются вместо лексемы *bombing (бомбардировка)*.

Когда американцы говорят о попадании в цель (*service a target*), следует понимать, что они сбрасывают бомбы на иракские города. Когда американские или британские снаряды попадают в жилые дома, больницы, рынки, то сообщают, что произошло очередное *случайное попадание снаряда (accidental delivery of ordnance)*, ставшее причиной *второстепенных разрушений (collateral damage)* (Палажченко, 2004, 81-82). В АА существуют лексемы *aggressive defense решительная, наступательная оборона, preemptive strikes, preemptive counterattacks (превентивные удары, превентивные контратаки)*, хотя широкой общественности постоянно внушается идея об исключительном миролюбии американских военнослужащих.

Лексические единицы, как известно, отражают языковую картину мира, поэтому конфликт внутренней и внешней форм этих лексем дает право исследователю усомниться в семантической корректности данных лексических единиц (ЛЕ).

Приведем еще несколько примеров, иллюстрирующих вышеупомянутое умозаключение: *good-neighbor policy (о захвате соседних территорий), temporary cessation of hostilities (временное прекращение военных действий, т.е. мир)*

Однако когда речь идет о других странах, политкорректность порой носит оскорбительный характер для этих стран.

Особенно наглядно это проявляется, когда речь идет о террористических актах. Во время захвата концертного комплекса на Дубровке чеченскими террористами компания CNN комментировала события титрами «*Вооруженные чеченские диссиденты*», «*Чеченские повстанцы*», «*Бойцы чеченского сопротивления*». В этой связи российский журналист, возмущенный подобным «политкорректным» отношением задал вполне справедливый вопрос о том, как бы понравились американцам следующие варианты трактовки печальных событий 11 сентября: «*Арабские повстанцы атакуют крупнейший город США*» или «*Арабские пилоты-смертники ценой жизни привлекают внимание к ошибочной политике Белого дома*» (Будберг, 2003).

Агрессивность и высокомерное отношение к людям другой национальности и культуры находит свое проявление не только на бытовом уровне, но и в среде политиков и других публичных персон. Хорошо известен

пример, когда Президент США Дж. Буш-младший использовал пренебрежительную лексику по отношению к жителям Пакистана *наки*.

Говоря о Великобритании, жители России чаще всего руководствуются стереотипами, характеризующими британцев как очень вежливых и воспитанных людей. Однако, как и в случаях описанных выше, корректность и желание избегать коммуникативной агрессии по отношению к соплеменникам и к «другим» резко отличаются.

М.М. Филиппова (Филиппова, 2002, 64-77) приводит ряд примеров практики межкультурного общения русских и англичан, о которых обычно говорить не принято. Чаще всего это употребление пренебрежительных лексем, образованных от названия национальностей, которые иногда носят откровенно обценный характер. При произнесении этих «шутки» носители языка сохраняют невозмутимое выражение лица (т.е. невербальная коммуникация не выдает вербальной агрессии), а непосвященные в тонкости сленга иностранцы простодушно внимают.

Наступивший XXI век самые прозорливые обозреватели называют веком «новой не-репрессивной культуры». Однако трудно поверить в то, что сознательно оскорбляя и унижая одних, можно построить общество добра и справедливости.

На основании проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

- Поведенческие тактики являются универсальными для сравниваемых культур, агрессия рассматривается всеми народами как явление, несопоставимое с нравственностью.
- Угроза как коммуникативное воплощение агрессии в различных языковых культурах имеет одинаковое смысловое наполнение.
- Различия в коммуникативных стратегиях обусловлены принадлежностью сравниваемых лингвокультур к коллективистским (русская) или индивидуалистским (англоязычная) ценностям.
- Большая, чем у русских бытовая не-агрессия (толерантность) обусловлена более высоким статусом индивида в Англии и США, соблюдение принципа privacy, присутствием коммерческого интереса к личности.
- Наряду с более высоким уровнем бытовой толерантности и внешних признаков коммуникативной агрессии, политкорректность, как проявление толерантности, носит двойственный характер. Сарказм англичан также нередко является проявлением вербальной агрессии.

В своей работе мы пришли к выводу, что национальный характер чрезвычайно многообразен, проявление его существует только в бытовом, но не в научном сознании, что всякое обобщение на уровне «типичных» черт народа условно и натянуто.

Проявление агрессивности в одной области компенсируется высоким уровнем нравственных качеств в другой области сравниваемых коммуникативных моделей поведения в русской и англоязычной языковых картинах мира.

Примечания:

1. Двойной стандарт // Московский комсомолец. – 2003. – 1 нояб.

2. Ларина Т.В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации. На материале английской и русской коммуникативной культур. Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 498с.
3. Палажченко М.Ю. К вопросу о политической корректности, настоящей и мнимой, и политике двойных стандартов // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – №1. – С. 81-89.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 264 с.
5. Lanier A.R. Living in the USA. Yarmouth, ME: Intercultural press, 1996. – 321 p.